

Александр Смирнов

***МЕНТАЛЬНЫЕ
ШАХМАТЫ***

Александр Смирнов

Ментальные шахматы

«Издательские решения»

Смирнов А.

Ментальные шахматы / А. Смирнов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-628825-6

В сборнике Александра Смирнова «Ментальные шахматы» представлены фантастические рассказы и лирические миниатюры, не связанные сюжетно, но объединённые сквозными темами и настроениями. Где бы ни разворачивалось действие, на Земле или на другой планете, игры разума и игры с разумом проникают почти во все рассказы. Как и в шахматной партии, в сборнике три части — дебют, миттельшпиль и эндшпиль, — в каждой из которых свой повествовательный ритм. Итак, доска разложена, фигуры расставлены. Сыграем?

ISBN 978-5-00-628825-6

© Смирнов А.
© Издательские решения

Содержание

Клеточки	6
Часть 1. Дебют	7
Хомятка	7
Алфавит	9
Старая легенда	11
Превращение	14
Камень	15
Энтропия	19
Тени	22
Старый дом	22
Происхождение видов в электронную эпоху	22
Ночь	22
Скорость	22
Морозный день	23
Вечное движение	23
Лестница	23
Немое кино	24
Колумб	24
Планета лесов и степей	25
Отражения	28
Четыре	32
В клетке	35
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Ментальные шахматы

Александр Смирнов

Дизайнер обложки Александр Смирнов

© Александр Смирнов, 2024

© Александр Смирнов, дизайн обложки, 2024

ISBN 978-5-0062-8825-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Клеточки

Первая страница не предвещает ничего хорошего. Буквы прыгают, и точки пляшут с запятыми, а рука пишущего то и дело застревает в нагромождении причастных оборотов.

Попавший под обстрел бессмысленных слов звездолёт добирается до цели искорёженным куском металла, ни на что более не пригодным. Мгновение – и скомканный лист клетчатой бумаги летит прочь, унося космический корабль напрямиком в корзину.

А может... Утро, солнце, прекрасная ганимедянка с раскосыми глазами рядом... Стоп. Какая ганимедянка? Они же роевые существа! Очередной сюжет отправляется в компанию к звездолёту.

Дракон взирает гордым зраком на гладь весеннего Днепра. Однако и ему не удаётся избежать корзины.

Капают секунды, размывая и без того зыбкие строки, и истончается тетрадь. С каждой новой страницей бумага становится всё более рыхлой, и ручка проваливается глубоко в пустоту, цепляясь лишь за тонкую ткань клеточек.

Наступает момент – рука по локоть уходит внутрь, и неведомая сила тянет рассказчика вслед, не отпускает.

Вот он – в сером тумане, не в силах вдохнуть, с липкой паутиной клеточек на лице. Но эластичные нити отклеиваются сами собой и медленно уплывают по воздуху, исчезая в тусклом рассвете. Пейзаж проясняется, и приходит ветер.

Рассказчик в растерянности оглядывает незнакомую местность. На востоке клубится пыль, слышен шум и лязг – это армия инопланетных захватчиков. Нужно бежать, но неудобная одежда сковывает движения, делает их неуклюжими.

Он останавливается и осматривает себя, ощупывает звёзды и эполеты. На нём мундир генерала армии Сириуса.

14.10.2018

Часть 1. Дебют

Хомятка

В большом доме жил Хомятка. Целыми днями бродил он по этажам, заходил в комнаты, наполненные невиданными диковинами, смотрел и удивлялся. Он никогда не покидал дома и даже не знал, есть ли из него выход. Хомятка прилетел сюда на самолётике настолько маленьком, что тот пролез в открытую форточку. Однако, как он попал в самолёт, откуда летел и чем он там занимался, Хомятка, как ни силился, вспомнить не мог.

Верхний этаж этого необычного дома никак не сообщался с остальными. Там, среди скудной мебели, ничего не ведая о происходящем внизу, двое вели долгий разговор. Начался он давно и совершенно случайно.

– Ты когда-нибудь слышал, – сказала она, – такое стихотворение:

Когда Изольда, изо льда
Воздвигнув странные скульптуры,
Задумалась о смыслах бытия...

– Изольда изо льда? – прервал он.

– Скульптуры изо льда, – поправила она.

Но слово произнесённое оказалось материально, и в тот же миг в одной из бесчисленных комнат на нижних этажах дома возникла Изольда, прекрасная и неподвижная в своей ледяной наготе, окружённая причудливыми, пугающе холодными скульптурами.

А разговор продолжался.

– погоди, ты не дослушал, там ещё есть:

Когда отправленные письма
Отравленными стали вдруг,

Когда пушистая, как вьюга,
Из леса рыжая зверюга
На поле вышла в час полночный...

– А дальше?

– Дальше?

– Да. Если есть «когда», должно быть и «тогда».

– Возможно. Я не помню. Только эти три строфы...

– Давай тогда придумаем продолжение сами.

Так началась их словесная игра, своеобразный пинг-понг, в котором каждый пытался переоригинальничать другого, и остановиться они уже не могли. Любая метафора, удачная или не очень, тут же воплощалась внизу.

Месяц за месяцем, порождая сущности, продолжалась игра, прерываемая лишь ежедневным чаепитием. В одну из таких пауз, заметив, что он уплетает печенье, не дождавшись, пока вскипит чайник, она спросила: «Как ты думаешь, что такое „сухомятка“?»

– Ну, сухомятка – это небольшой зверёк, – ответил он.

– А «су-»?

– Самолёт, наверное.

Так появился Хомятка. Возможно, потому, что создан он был во время перерыва в игре, Хомятка обладал большей свободой, нежели остальные диковины, и мог перемещаться по дому. Выйдя из комнаты, где пылился не работающий более самолётник, пройдя по стеночке коридор стремглавного стремени, Хомятка попадал в помещение, где кактус пиковой масти, как туз нацепивший картуз, гордо рос в своей кадке. Оттуда вели три пути: к задумчивой ледяной Изольде, в чулан лани и на лестницу, где перила скрипели и пели. Наверху, сидя на заваринке – скамейке из чайных листьев, одержимый почтальон ставил штемпель за штемпелем на отравленные письма, а окна круглой комнаты все выходили на восток. Внизу весёлое вино кипело в бурдюках, и алела лампочка заката в маленькой глухой каморке.

И всюду – лестницы, переходы, виражи, ведущие из фантазии в мистирию, из мистирии в кошмар. Не зная, что он творение той же фантазии, бродил Хомятка по дому, словно по снам безумца, и сам всё чаще ощущал себя слегка безумным.

Когда впечатлений становилось слишком много, чтобы их усвоил разум, Хомятка приходил в комнату Изольды и сидел среди её безмолвных скульптур, странно умиротворявших его. В один из таких дней в душе Хомятки зародилась смутная тоска по родному дому, совершенно не фантастическому, дому, где живут такие же хомятки, как он, дому, которого он никогда не видел и которого у него, на самом деле, никогда и не было. Однажды зародившись, эта мысль постоянно напоминала о себе тихим зудом и постепенно превратилась в навязчивую идею, и теперь Хомятка плутал по коридорам лишь в поисках выхода, но не находил его.

А игра на верхнем этаже всё длилась. Подачу за подачей отправляли двое друг другу, и каждая фраза начиналась со слова «когда», и каждая порождала сущность внизу.

Когда в доме стало тесно, он начал трансформироваться. Пространство искажалось и обрастало измерениями – там, где раньше была одна комната, теперь умещалась целая их анфилада.

«Когда» следовало за «когда», в основном в стихах, но порой и в прозе. Мастерство игроков росло, и сущности всё усложнялись, однако никому из двоих не удавалось настолько превзойти другого, чтобы наконец выкрикнуть финальное «тогда». Игра стала бесконечной.

В лабиринте смыслов блуждал тоскующий Хомятка, а по ночам глядел в окно. Каждую полночь из близлежащего леса выходила рыжая зверюга и печально смотрела в ответ...

29.10.2017

Алфавит

Август выдался тёплым и дождливым.

Бескрайние леса стояли чисто вымытые, с нарядной, словно в мае, листвой и строгой тёмной хвоей.

Волки доели всех зайцев ещё в прошлом веке и ушли в соседнюю область. Теперь в лесу рыскали лишь грибники, вынюхивая лакомый белый.

Григория грибы не любили и искусно прятались от него под травой и листьями.

Даже в будний день, проплутав несколько часов, он набрал едва ли треть корзины. Отчаявшись, Григорий собрался повернуть домой, но вдруг услышал неясный далёкий гул.

Едва различимый звук, быстро приближаясь, усиливался и перерос в настоящий грохот.

Ёлки закачались от внезапно налетевшего вихря, и удивлённая белка свалилась с ветки в кусты.

Железное нечто пронеслось над головой и, ухнув, приземлилось где-то неподалёку. Вибрация прошла по земле и затихла.

Заинтригованный, Григорий бросился к месту посадки. Продравшись сквозь поросший крапивой подлесок, он выбрался на опушку, посреди которой возвышался смахивающий на котелок корабль стального цвета. В центре котелка откинулся люк, превратившись в пандус, и по нему спустилось-скатилось существо.

Инопланетянин больше всего походил на осьминога, серо-зелёного, с многочисленными глазами и щупальцами, а также внушительным клювом. Каждое щупальце заканчивалось острым когтем.

Йодистый запах разнёсся по лесу, когда осьминог помахал несколькими щупальцами, приветствуя Григория.

«Кажется, он дружелюбный», – подумал Григорий.

Левой рукой он махнул пришельцу в ответ, правой продолжая сжимать корзину.

Медленно он шагнул к инопланетянину. Тот так же медленно отодвинулся назад к кораблю.

Не поворачиваясь к пришельцу спиной, человек вернулся на исходную позицию.

Осьминог уставился на Григория десятком глаз, словно чего-то ожидая.

– Привет, – сказал Григорий. Пришелец что-то коротко прощёлкал.

– Рад видеть тебя на Земле, – и снова щелчки, теперь более длинные.

«Странно, он как будто повторяет мои слова». Григорий произнёс ещё несколько незначащих фраз. Инопланетянин старательно повторял их щелчками, но вскоре ему это надоело.

Тогда Григорий попытался на грибах определить общие понятия, такие как круг или треугольник, и даже собрал из шляпок модель Солнечной системы, но только зря изрезал свой улов.

Убрав нож в корзину, человек отошёл на несколько шагов.

Фигуры из грибов остались лежать на земле. Осьминог их по-прежнему игнорировал.

«Хорошо, пусть сам объяснит, что ему нужно – он же сюда прилетел, а не я», – решил Григорий.

Целых полчаса пришелец и человек наблюдали друг за другом.

Что-то наконец сообразив, осьминог шевельнул щупальцами.

Шипение, свист.

Щелчки клювом. И – длинный речитатив на неведомом языке, который Григорий воспринимал примерно как:

– Ъъъъ.

– Ъыыы.

– БЬЬЬ!

Эта речь, однако, уже похожа на попытку диалога. Но как ответить?

Юг-север, тепло-холодно – слишком абстрактно, чтобы объяснить. Но тут Григория осенило: надо рассказать пришельцу о самом простом – о себе.

– Я... – начал Григорий, но предостерегающий жест щупальца остановил его. Отрицательно покачав тем же щупальцем из стороны в сторону, инопланетянин направился к ближайшей берёзе и нацарапал что-то когтем на коре. Повернувшись к Григорию, осьминог торжественно воздел щупальце вверх. На берёзе было начертано: «А».

21.05.2019

Старая легенда

Каждый вечер племя собиралось вокруг костра. Разожжённый в самом центре большой пещеры огонь горел круглые сутки, однако воздух оставался довольно чистым – трещины и полости в горной породе, соединяясь, образовывали естественный дымоход с хорошей тягой. Снаружи почти всегда шёл дождь летом и снег зимой, но в пещере было тепло и сухо.

С наступлением темноты приходил старый шаман. Он наскоро обсушивался, устраивался поудобней на своём излюбленном месте возле стены и начинал ежевечерний разговор. Этот человек был намного старше соплеменников – даже вождь племени не помнил его молодым – и мудрость его помогала людям выживать. Он знал, какими травами лечить хвори, когда и на какого зверя нужно вести охоту, как и в каком объёме заготавливать дрова и мясо на зиму, чтобы пережить сезон больших снегов, во время которого долина внизу становится недоступной. Но больше всего он любил рассказывать о временах, которые помнил он один.

Он говорил, что звёзды – это далёкие солнца, и можно подняться в небо, и лететь долгие годы, и добраться до другого солнца, и найти возле него новый мир, почти такой же, как этот. Среди сотен таких миров есть один под названием Земля. Там люди живут в городах из камня, там нет голода и почти нет болезней, тяжёлую работу выполняют за людей машины. И даже дождь там бывает реже. Когда-то земляне отправили экспедицию сюда, за которой должны были последовать другие. Но видно что-то пошло не так, и первая экспедиция осталась единственной. Потомки космонавтов сидят теперь возле костра, закутавшись в шкуры, и только шаман помнит прежнюю жизнь, в которой он звался первым помощником капитана.

Слова шамана звучали для людей как сказка, а «город», «машина», «экспедиция» казались скорее магическими заклинаниями, чем конкретными понятиями, но убеждённости, с которой старик год за годом рассказывал одни и те же истории, заставляла соплеменников верить ему. Шаман считал, что земляне обязательно прилетят, и люди с надеждой смотрели в небо, когда оно ненадолго очищалось от туч.

Старик уходил перед рассветом, и до следующего вечера племя его не видело. Он жил выше по склону, в маленькой пещере. В своём жилище он не разжигал огня, но, несмотря на это, дикие звери никогда не пытались проникнуть внутрь. Путь сюда был заказан и для большинства людей – приходило к шаману разрешалось только тем, кто желал учиться, а таковых даже в сытые годы набиралось не более пяти. Стремясь сохранить в племени хотя бы остатки цивилизованности, шаман нагружал своих учеников сведениями из различных областей, бессистемными и зачастую обрывочными, однако в долгие зимние месяцы полученные знания быстро забывались, вытесненные насущными проблемами. Как правило, ученики не задерживались надолго, меняясь каждую весну.

* * *

То лето выдалось на редкость дождливым даже по местным меркам. Травы в долине поднялись в человеческий рост, скрывая и без того немногочисленную зверьё. Племя вело полуголодное существование, сопровождаемое болезнями, которые вызывала постоянная сырость. В эту пору практические советы шамана по выживанию отнимали у него большую часть вечернего времени, и к рассказам о Земле он обращался лишь изредка.

Рангл, единственный ученик, посещал старика едва ли раз в десять дней. От того, чтобы бросить занятия, его удерживала лишь захватившая его магия букв – ему казалось, что, складывая буквы в слова, он приближается к высшему знанию, доступному лишь избранным.

В один из дней в самом конце лета Рангл поднялся в пещеру шамана и застал там странную картину. Учитель сидел, застыв в неестественной позе с поднятой вверх левой рукой, а в дальнем углу жилища незнакомец, одетый в странную, лишённую меха шкуру, рылся в скудных пожитках старика. Услышав пришедшего, человек обернулся. Рангл отступил из пещеры и подобрал лежащий у входа камень.

– Спокойно, я ничего тебе не сделаю, – сказал незнакомец и шагнул по направлению к Ранглу. Тот предупреждающе поднял руку с камнем.

– Кто ты такой?

– Человек, как и ты. Можешь называть меня Джек.

– Ты не из племени. Откуда ты? Что ты сделал с шаманом?

– Ничего. Твой шаман не настоящий, он робот. Я его просто на время выключил.

– Робот, выключил... Что это значит?

– Ну робот, машина... Он же тебе говорил про машины?

– Говорил.

– Вот он и есть такая машина. Смотри сам, – с этими словами Джек подошёл к старику и проделал какие-то манипуляции с его шеей. Голова шамана откинулась вперёд и вниз на невидимом шарнире. – Видишь, здесь только железо и пластик. Он не человек.

Рангл с опаской приблизился и заглянул внутрь робота.

– Зачем же ты его... выключил?

– Понимаешь, шаман был послан к вам, чтобы помогать племени справляться с трудностями и всё такое. Но он машина, а машины нужно иногда чинить. Он очень давно работал и несколько разладился. Я заберу его на корабль, мы его починим и он станет как новенький.

– На корабль? Так ты с Земли?

– Нет, что ты. Земля – это выдумка, её на самом деле никогда и не было. Я же говорю, твой учитель сломался, рассказывал вам сказки, выдавая свои ложные воспоминания за правду. Понимаешь, я издали, очень издали...

– Ты с Ночного светила?

– С Ночного светила... да, я оттуда.

* * *

Когда назойливый дикарь ушёл, Джек перетащил обездвиженного робота и все его вещи из пещеры в припрятанный неподалёку планетарный модуль. Дождавшись темноты, он стартовал к находящемуся на стационарной орбите кораблю.

На корабле его встретил Боб, на вечно недовольном лице которого застыло особенно кислое выражение.

– И зачем ты ему всё это наболтал? – спросил он.

– Привет, я тоже рад тебя видеть, – ответил Джек. – Я всего лишь разрушил одну маленькую легенду. Не переживай, через пару поколений её всё равно забыли бы. А то и раньше.

– И всё же этого не стоило делать.

– А что мне оставалось?

– Мог бы дипломатично уйти от ответа.

– Сложно уходить от ответа, когда напротив тебя дикарь с камнем в кулаке.

– Знаешь, легенда о Земле – часть их картины мира. Они знают только свою долину и Землю. Одно дело, когда шаман просто пропадает, и совсем другое – ты и твои откровения. Ты этого парня ошарашил по полной.

– Всё ж лучше так, чем сказать правду. Или ты думаешь, он был бы меньше шокирован, если бы я сказал ему, что он находится на Земле, и что это мы, а не они, представители земной колонии? Может, рассказать ему, сколько световых лет между нашими мирами? Или сколько

экспедиций до нас побывало здесь после катаклизма? А может, сколько сотен лет уже рассказывает наш робот свои байки? Это бы он переварил?

– Ладно, проехали. Ты прав.

* * *

В этот вечер шаман не пришёл в пещеру племени. В безмолвном оцепенении сидели люди вокруг костра, и только треск горящих сучьев заполнял тишину – настолько необычным казалось нарушение привычного ритуала, что никто не решался заговорить.

Покинув прищельца, Рангл спустился в долину и до самого вечера бродил там в одиночестве, размышляя над услышанным. Сейчас в нём боролись два начала – подчиниться всеобщей неподвижности или говорить, действовать. Наконец, последнее победило, и он вскочил, изрядно напугав окружающих.

– Люди племени! – воскликнул Рангл. – Я был сегодня у шамана. Он покинул нас, улетел. На Землю! Но перед этим он наказал мне хранить особое знание и добиться того, чтобы оно осталось в памяти племени.

Рангл подбежал к выходу из пещеры. Люди потянулись за ним. Дождь прекратился перед закатом, и сейчас в ясном небе сияли звёзды и лик Ночного светила.

– Вот! – Рангл указал на Ночное светило. – Это Земля. И когда-нибудь мы обязательно туда полетим.

* * *

– Смотри-ка, – сказал Боб, наблюдая за происходящим в пещере. Изображение транслировалось скрытыми камерами, установленными по всей долине. – Похоже, ты породил новую религию. Теперь они будут молиться Луне.

– Может, вернуть им старика, пока всё не зашло слишком далеко?

– А смысл? За последнюю сотню лет они только деградировали. Странно, что они ещё человеческий язык не забыли. Да и потом, это уже не наша проблема. Нам пора домой.

– Дом... Как давно мы там не были. Кстати, я рассказывал тебе про Сьюзен? Представляешь, она обещала меня дожидаться. И легла в анабиоз. На сто пятьдесят лет. Вот ты когда-нибудь встречал такую девушку?

– Нет, не встречал, – Боб поднялся со своего места.

– Что, пора и нам в анабиоз? – спросил Джек.

– Можно сказать и так, – ответил Боб, подходя к нему. Резким движением он нажал на переключатель в основании черепа, и голова Джека безжизненно повисла. – До следующей экспедиции, приятель. Кем бы ты ни оказался, когда проснёшься.

Боб вернулся к экранам. Ему было, что наблюдать в ближайшие годы. Ни к чему при этом тратить лишнюю энергию на напарника. По привычке он провёл рукой по затылку: и переключатель, и информационный канал надёжно запечатаны. Уж ему-то никто не внушит ложных воспоминаний.

15.08.2017

Превращение

В мозгу неистово пульсирует курсор. Открываю глаза, и ничего не меняется – курсор мигает на экране. И строки кода, и вереница писем. И серый сумрак за окном.

Серая болотная хмарь затопила, захватила город. Когда это случилось, месяц, два, а может, год назад – сейчас и не вспомнишь. Туман поглотил время, и мир в безвременье застыл.

Не осталось времени, но осталась связь, и потоки писем повелевают работать. Письма, письма, письма... Но не те и не о том. Слова свиваются в кольцо, и, пытаюсь вырваться из окружения, я выключаю компьютер и выхожу на улицу.

И тут же плотная, вязкая субстанция обволакивает меня липкой плёнкой. Тяжело дышать – воздух едва просачивается сквозь туман, – но я иду вперёд. Каждый шаг сложнее предыдущего, серость вокруг обретает упругость резины, и, наконец, я не могу двигаться дальше, и вынужден повернуть назад.

Да и на что я рассчитывал? По сторонам, то там, то здесь возникают призраки – тёмные силуэты брошенных машин, тусклыми пятнами просвечивающие сквозь пелену. Даже им не удалось преодолеть сопротивление...

На пустынной улице не слышно звуков, и я невольно ускоряю шаг, подгоняемый смутной тревогой. Или это туман гонит меня к дому?

Холодные консервы, горький чай – скудная вечерняя трапеза.

А завтра цикл повторяется вновь – письма, работа. Кому они нужны, когда мир канул в пустоту? Но хватит – я брошу всё, не буду отвечать, я буду писать только те письма, что важны мне. И я пишу их целый день, но они остаются без ответа. Я посылаю по проводам частички себя, одну за другой, но ничего не получаю взамен. А на линии всё те же короткие гудки...

И я опять выхожу в город и стремлюсь туда, к ней, но стена тумана отбрасывает меня, заталкивает в подъезд, и я уже начинаю сомневаться, есть ли хоть что-то за этой стеной.

Чередой дней, сменяющих друг друга, одинаково безумных. Фрагментарность мира обостряет чувства. Я ощущаю электричество, ощущаю, как оно пронизывает моё тело, каждую клеточку. Порой я начинаю думать бинарным кодом.

Однажды я замечаю, что туман перешёл в наступление. Передовой отряд проскользнул сквозь оконную раму и скопился в углу комнаты. И пусть это лишь жалкий клочок, мне становится страшно.

Туман поглотил всё. Не видно ни зги. Но я больше не боюсь. Мне не нужно зрение, не нужны другие чувства. Еда давно закончилась, но и она мне больше не нужна.

Я воспринимаю токи электричества, я питаюсь электричеством, а туман мне в том помощник – он прекрасный проводник, и мне не надо предпринимать никаких усилий, чтобы слиться с сетью.

Я туманное существо. Застыв в неподвижности, я могу послать любой сигнал по любой сети силой одной только мысли.

Единицы сменяют нули, а нули – единицы, отсчитывая дискретное время.

06—13.06.2020

Камень

Пропылённый «уазик» остановился у кромки леса.

– Приехали, – сказал водитель. – Дальше вы уж своим ходом. А лучше бы плюнули, да назад повернули. Мало ли чего может случиться, в Зоне-то.

– Не думаю, что мне что-то грозит, – ответил я.

– Ну, как знать... Недаром два КПП на дороге поставили. Живы-то вы, положим, останетесь, а вот за остальное я бы ручаться не стал. Много я вас, ходоков, уже перевозил, и всегда одно и то же: в Зону уходит один человек, а возвращается другой. Смурной, будто вынули из него что-то...

То, что Зона меняет людей, было известно уже давно. Десять лет назад в этом районе упал метеорит. Для его изучения отправили несколько научных экспедиций, но, в общем-то, особого внимания метеорит к себе не привлёк. Однако вскоре после возвращения все участники экспедиций поспешно уволились из своих институтов, и это заметили СМИ. Большинство учёных избегало давать интервью, остальные отвечали на вопросы журналистов уклончиво и витиевато. Тем не менее, становилось понятно, что исследователи обнаружили нечто необычное и пытаются скрыть это от прессы.

К метеориту стали стекаться любопытные, и с каждым днём таких людей становилось всё больше. В ту же пору в районе падения метеорита произошло несколько лесных пожаров, опустошивших довольно обширную территорию вокруг метеорита. С чьей-то лёгкой руки выжженную землю окрестили Зоной.

Пожары не напугали людей, и поток паломников к метеориту не иссякал. Людей словно магнитом тянуло сюда. Однако, вернувшись домой, паломники все до единого становились апатичными и малоразговорчивыми, увольнялись с работы, иногда даже уходили из дома в неизвестном направлении, в общем, с ними происходило то же самое, что и с учёными, первыми посетившими Зону.

Как бы то ни было, к концу третьего года из-за массовых увольнений ситуация в экономике стала угрожающей, и на Зону наконец-то обратило внимание государство. Оно наложило запрет на посещение Зоны – чтобы попасть туда, теперь надо было выхлопотать себе спец-пропуск. Зона была обнесена двумя рядами колючей проволоки и охранялась силами армии. Хотя некоторым ловкачам всё же удавалось обойти охрану, паломничество к метеориту теперь не носило массового характера.

Я давно хотел попасть в Зону, но поначалу меня отпугивало то, что происходило с побывавшими там, впоследствии же никак не удавалось получить пропуск. Так что теперь, достав за большие деньги разрешение на посещение, я не намерен был отступать.

– Идите прямо по дороге, – сказал шофёр, видя, что я не собираюсь возвращаться. – Когда дойдёте до Змеевки, поищите там деда Семёна. Он вам покажет путь, а если будет в настроении, то и доведёт до метеорита.

– Разве в Зоне кто-то живёт? – удивился я.

– Дед Семён – последний. Когда началась эвакуация, он не захотел покинуть родную деревню, так там и остался.

Я вылез из машины, и она, урча мотором, скрылась в лесу. От долгого сидения затекли ноги и ломило спину – сказались три часа пути по тряской, ухабистой дороге и ночной переезд до Нижнего Новгорода в холодном поезде с хронически незакрывающимися окнами.

Потянувшись, я надел на плечи рюкзак и направился по дороге через поле. Хотя июльское солнце, сиявшее в почти безоблачном небе, начинало припекать, путь не был в тягость. Свежий ветерок пробегал по полю, ласково причёсывая зелёную равнину.

Однако поле скоро кончилось, и дорога пошла по сгоревшему лесу. Лес этот представлял собой весьма удручающее зрелище: выжженная земля, чёрные, обуглившиеся стволы деревьев, многие из которых попадали тут и там, перегораживая порой дорогу. Тяжёлую, давящую атмосферу не могла скрасить даже молодая поросль, старательно пробивающая себе путь к жизни. Над пепелищем витал застоявшийся запах гари, он сопровождал меня неотступно всё то время, что я шёл через пожарище, и накрепко въелся в одежду.

К трём часам лес, наконец-то, кончился. Вскоре я увидел покосившуюся ржавую табличку, на которой было написано «Змеевка».

В деревне не осталось практически ни одного целого дома – одни облизал пожар, другие разрушились сами, оставшись без присмотра.

Пройдя в другой конец деревни, я увидел жилище деда Семёна. Старая изба вросла в землю по самые окна. Крыша прохудилась во многих местах и была залатана дощечками разной формы и цвета. Дом и огород окружал покосившийся забор и неглубокая канава, наверняка выкопанная для защиты от пожара. Через канаву был перекинут дощатый мостик.

Сам дед Семён работал в огороде. Увидев меня, он оторвался от своего занятия и подошёл, поглаживая окладистую белую бороду, в которой застряли частички земли.

Расспросив, кто я таков и зачем пожаловал, он обещал отвести меня к метеориту на следующий день.

– А сегодня нельзя? – спросил я.

– Сегодня никак. Гроза будет, не дойдём.

Я не стал его уговаривать, хотя в грозу верилось с трудом – на небе не было ни облачка. Однако старик оказался прав: через какой-нибудь час подул порывистый ветер, нагоняющий духоту, и на горизонте появилась чёрная кайма – край грозовой тучи. Вскоре она закрыла полнеба. Под её громадным брюхом сверкали частые вспышки молний, и гром рокотал, не останавливаясь ни на мгновение. Прошло несколько минут, и стало темно, как ночью – туча безраздельно завладела небом.

И тут, словно прорвавшись сквозь преграду, с неба хлынули холодные водяные потоки. Они яростно стегали крышу дома и землю, будто стараясь пробить её насквозь. Вспышки молний выхватывали из темноты сжавшуюся под ударами ливня деревню.

Стихия бушевала больше часа, а потом гроза резко, так же, как и началась, сошла на нет, и в чисто вымытом небе радостно засверкало солнце.

Дотоле сухая земля раскисла и превратилась в по-осеннему неприятную грязь, а канава вокруг дома до краёв наполнилась водой и напоминала средневековый ров. По улице теперь нельзя было пройти без резиновых сапог.

Я переждал грозу на крыльце, дед Семён же ушёл в дом. Когда дождь кончился, он выбрался наружу.

– И часто у вас здесь такая непогода? – поинтересовался я.

– Да почитай, что каждую неделю. Как снег стает, так и начнётся, только к сентябрю и распогодится более-менее. Раньше-то такого не бывало, пока каменюга твоя с неба не грохнулась. А потом как пойдёт... И всё-то сосну зажжёт, то ёлку. Так лес и попереверёлся, и деревни не стало...

На следующее утро мы рано вышли из деревни, и к полудню были у метеорита. Падая, он пропахал в земле глубокую борозду, которая теперь заросла травой и вписалась в окружающий ландшафт. Сам камень наполовину увяз в мягком грунте, но даже так он внушал уважение. Тёмно-серый космический странник почти правильной сферической формы, десяти метров в поперечнике нашёл свой последний приют на Земле.

Подойдя поближе, я увидел, что вокруг метеорита раскидано множество плоских овальных камешков размером чуть поменьше ладони. Я подобрал один из них. Сверху (или снизу?) на камне был изображён диковинный рисунок – причудливая вязь тончайших линий. Я взял ещё несколько камней, и на каждом обнаружил подобный рисунок. Я сравнил с десятком камней – несмотря на похожесть, все рисунки были индивидуальны, ни один не повторялся. В это время ко мне подошёл дед Семён.

– Что это? – спросил я у него, показывая один из камней.

– Камень.

– Я вижу, что не гриб. Что это за камень?

– Просто камень. Их вон та штука делает, – он показал на метеорит. – Только эти уже выброшенные, холодные. Да ты, чем глаза таращить, зайди с той стороны, там подкоп есть под днице. Залезь туда, да руку-то и приложи – и тебе сделает.

До крайности удивлённый, я поступил так, как велел старик. Обойдя метеорит, я обнаружил довольно широкий лаз. Выпавшая вчера влага ещё не до конца впиталась, и в лазе слышно хлопало, но я всё-таки дополз до дна.

Метеорит теперь был прямо надо мной. Перевернувшись на спину, я дотронулся до его шершавой поверхности и тут же уловил едва ощутимую вибрацию. Прошло секунд десять, и вдруг я почувствовал тяжесть в ладони. Поднеся её к глазам, я рассмотрел камешек, который «выдал» мне метеорит. Он идеально ложился в мою ладонь, а рисунок отчётливо выделялся на поверхности, несмотря на темноту лаза. Я сжал руку, и в этот момент всё моё тело словно пронизало теплом, и душу окатила волна радости.

Я вылез из лаза грязный, но довольный. Дед Семён посмотрел на меня понимающим взглядом и ничего не спросил. Вскоре мы тронулись в обратный путь.

* * *

Спустя сутки я был дома, и уже на следующий день пошёл на работу. Хотя, сидя в поезде, я то и дело сжимал лежащий в кармане камень, чтобы вновь испытать то радостное ощущение, на этот раз я решил не брать его с собой.

С момента прихода на работу и до самого вечера меня сверлило беспокойное чувство утраты. Я понял, что мне недостаёт камня. Я трудился в полузабытьи, невпопад отвечал на расспросы коллег о Зоне, а то и вовсе отмалчивался, и, конечно же, ни словом не обмолвился о камне. В конце концов, я отпросился с работы на час раньше и опрометью кинулся домой. Только сжав в руке камень, я смог восстановить душевное равновесие.

На следующий день, уходя на работу, я положил камень в карман. Просидев два часа на своём месте, я, повинувшись безотчётному порыву, написал заявление об уходе и навсегда покинул контору.

Прошла неделя с момента увольнения. Я стал меньше есть и спать – камень заменяет мне пищу и сон. Теперь я кладу его под подушку, чтобы, очнувшись после очередного кошмара, незамедлительно найти успокоение.

За неделю моё зрение обострилось. На улице или в транспорте я всё чаще замечаю людей так же, как и я, украдкой сжимающих свои камни. Простые люди этого не видят, мы кажемся им чудиками, городскими сумасшедшими, жертвами Зоны, кому как...

Минул месяц с тех пор, как я вернулся из Зоны. Это событие можно было бы отметить, если бы я мог встать с постели.

Я чувствую себя совершенно разбитым, голова трещит, меня ломает, кидает то в жар, то в холод, температура постоянно скачет от тридцати пяти до сорока и обратно, я то мечусь в бреду, то забываюсь тяжёлым беспокойным сном. И так уже неделю! Я вызвал бы врача, если б не боялся, что он найдёт и отберёт камень. Да и камень не советует мне этого делать. Сегодня ночью мне показалось, что он разговаривает со мной, и руны на его поверхности светятся слабым ласковым светом.

Второй день трясёт меня в лютой лихорадке. Вдобавок к тому, проснувшись ночью, я не нашёл под подушкой камня, и до утра стучал зубами в ознобе. Наутро камень обнаружился на тумбочке – не иначе, я сам его туда отбросил в беспамятстве.

Когда всё это кончится?

Я проснулся в восемь. Голова не болела и лихорадка прошла. После вчерашнего пика это было неожиданно. К тому же, я впервые за последние недели выспался. Умывшись, я почувствовал себя обновлённым, я словно скинул какие-то невидимые оковы.

Позавтракав, я вспомнил о камне – оказывается, я ни разу не воспользовался им за всю ночь и утро. Я пошёл в комнату, но не нашёл его ни под подушкой, ни на тумбочке. Я удивлённо сел на кровать. В этот миг на кухне жалобно зазвенело стекло. Я сорвался с места и бросился туда.

На полу среди осколков окна барахтался камень. Почувствовав моё приближение, он вскочил на невесть откуда взявшиеся тонкие ножки и встряхнулся, блеснув знакомым мне рисунком.

Когда я сделал шаг ему навстречу, камень расправил за спиной крылья, взлетел и выскользнул в им же самим разбитое окно. Он стремительно уносился прочь в ослепительную лазурь, где уже весело резвились тысячи его собратьев.

31.10.2007

Энтропия

*Энтропия изолированной системы не может уменьшаться.
Второе начало термодинамики.*

– Итак, эксперимент начат сегодня в одиннадцать часов по Москве, – сказал Девятков после традиционных вступительных слов. – Завтра в это же время он будет завершён. Если у вас есть какие-то вопросы, я готов на них ответить.

– Павел Анатольевич, – тут же отреагировал журналист одного из местных изданий, – поясните ещё раз, пожалуйста, суть эксперимента.

Вопрос уже стал традиционным. Хотя два года шли широкие дискуссии о темпоральной установке, на каждой пресс-конференции находился кто-то, кому необходимо было прояснить суть дела. Естественно, на этот вопрос имелся заранее заготовленный и не менее традиционный ответ.

– Если говорить упрощённо, – начал Девятков, – то мы собираемся остановить время, вернее, мы уже сделали это. Конечно, время – это не поезд, и в реальных условиях речь идёт не о его остановке, а лишь о существенном замедлении. Для того чтобы лучше уловить суть эксперимента, давайте проиллюстрируем его идею графически. Коллега, выведите схему на экран, – эти слова были обращены уже ко мне.

– Всем известно, – продолжил Девятков, взяв указку и подойдя к экрану, – что при движении космического корабля в сильном гравитационном поле время на нём течёт медленнее, нежели на Земле. Суть эксперимента в создании при помощи нашей темпоральной установки подобного поля около самой Земли. Оно изображено в виде белого кокона вокруг Земли на данной схеме Солнечной системы. Земля постоянно движется в этом поле, но и поле перемещается вместе с Землёй. В результате, время на планете течёт медленнее, чем в остальной части Солнечной системы. Отмечу также, что потенциал поля довольно быстро убывает при удалении от Земли, так что за пределами кокона его влияние крайне мало. Однако, как вы видите, Земля и Луна находятся внутри гравитационного поля, поэтому в ходе исследования немалую трудность представляло для нас обеспечение стабильности орбит и вращения этих небесных тел. Я думаю, мы не будем сейчас вдаваться в подробности теории, желающие найдут информацию сами.

– Павел Анатольевич, – последовал очередной вопрос из зала, – а каковы будут последствия эксперимента для обывателя, далёкого от физических теорий?

– Эксперимент продлится в течение суток по локальному времени Земли, тогда как в Солнечной системе пройдёт стандартный год, так что завтра снова будет вторник, пятнадцатое мая. Наша планета совершит полный оборот вокруг Солнца, поэтому сегодня ночью будет зима. Кроме того, вращение Земли вокруг собственной оси никто не отменял, в связи с этим смена дня и ночи происходит каждые четыре минуты, что соответствует обычным суткам по времени Солнечной системы. Это явление вы, наверное, уже успели заметить.

– А что будет с результатами опыта?

– В каком смысле?

– В практическом. Найдут ли они применение, или это очередная вещь в себе, на которую лишь зря потрачены время и деньги?

– Я бы не стал ставить вопрос так категорично. Зачастую возможность применения теоретических результатов возникает через сотню лет после их разработки, а то и позже. Сложно говорить заранее и в нашем случае, но вполне вероятно, что, замедляя локальное время не в триста шестьдесят пять, а в тысячи и миллионы раз, мы сможем осуществить межзвёздный перелёт. Соответствующие разработки уже ведутся.

Эти слова вызвали шквал новых вопросов, и пресс-конференция затянулась, так что в лабораторию мы вернулись лишь к трём. Небольшое её помещение, добрую половину которого занимала теперь темпоральная установка, находилось в левом крыле университета в самом конце коридора первого этажа. Профессор Павел Анатольевич Девятов заведовал лабораторией уже без малого пятнадцать лет, и за ней прочно укрепилось название «лаборатория Девятова» взамен труднопроизносимого официального наименования.

Исследования, проводимые Девятовым, были далеки от основных направлений, разрабатываемых факультетом, поэтому редкий гость захаживал в нашу лабораторию. Однако два года назад, после получения и публикации основных результатов ситуация изменилась. К доработке и проверке теории подключилось всё научное сообщество, проводились сотни локальных экспериментов. Итогом всей работы стало разрешение на эксперимент глобальный, принятое на уровне ООН. Теперь журналистов и просто любопытствующих отсекали от лаборатории два грозного вида охранника с автоматами. Ещё несколько паслось под выходящими на парк окнами.

На фоне поднятой вокруг эксперимента шумихи сам запуск установки прошёл тихо и буднично. В назначенный час мы – Девятов, я и Лена, также работавшая ассистентом профессора, – в очередной раз проверили все узлы системы и привели её в действие без излишней помпезности и пафосных речей перед камерой. Третий ассистент Девятова в это время отсыпался у себя дома перед грядущим ночным дежурством.

Придя с пресс-конференции я сменил Лену у темпоральной установки. Впрочем, последняя работала соответственно программе и хлопот не причиняла, так что остаток дня прошёл в вынужденном безделье. В одиннадцать часов вечера я со спокойной совестью отправился домой. В это время в Северном полушарии была уже поздняя осень. Сырой промозглый воздух забирался в лёгкие, и, вдобавок ко всему, шёл проливной дождь.

Дома, напившись горячего чая, я сразу лёг спать. Однако сон не шёл и большую часть ночи я проворочался в каком-то полусне-полуяви.

Будильник поднял меня в восемь. Комнату заливало весеннее солнце, его блики медленно ползли по стене. Я посмотрел в окно. На доме напротив висел огромный красный плакат с серпом и молотом и надписью «Слава КПСС». Не успел я удивиться, как наступила ночь, скрыв от меня полотнище. Когда вновь рассветало, плаката на своём месте не было. После бессонной ночи голова соображала плохо, поэтому я списал видение на усталость.

Пока я шёл в университет, на улице заметно потеплело, а к одиннадцати часам вокруг снова ощущался май.

Ровно в одиннадцать мы остановили темпоральную установку. Та послушно выключилась.

А ещё через минуту на улице стемнело.

– М-да, любопытно, – сказал Девятов, когда первый шок прошёл. К тому времени день и ночь успели уже несколько раз смениться. – Однако делать с этим что-то надо и чем быстрее, тем лучше. Похоже, выключение установки не повлияло на поле, следовательно, нам нужно исправлять положение. Создать противополопе вряд ли получится – мы не знаем теперешних параметров того, что сейчас происходит на орбите. Какие будут предложения?

Предложений не последовало. В конце концов, было решено попробовать хотя бы разобратся в происходящем, а там, возможно, и выход наметится. Не теряя времени зря, мы принялись за расчёты. К вечеру, не добившись толку и окончательно запутавшись, мы разошлись по домам, отложив проблему до завтра.

Ночью мне позвонил профессор и спросил, не замечал ли я чего странного. Я рассказал про плакат.

– А я вот только что видел гусара на лошади, – ответил Девятов. – Но это так, к слову. Я звоню не поэтому. Я сейчас провёл некоторые расчёты... Похоже, нам удалось создать первую замкнутую во времени систему. Последствия представить пока сложно...

– Энтропия? – прервал его я.

– Если называть так меру неопределённости нашей системы, то вполне возможно... Возможно, что она будет увеличиваться... Вопрос только в том, насколько приложимы здесь результаты термодинамики. Хотя, кажется, процесс уже начался. Особенно, принимая во внимание плакат и гусара... Кстати, вы не замеряли в последнее время продолжительность суток?

– Нет.

– А я замерил. Сейчас это три минуты двенадцать секунд.

К утру сутки сократились настолько, что смена дня и ночи уже не воспринималась органами чувств – город заволокла какая-то серая полумгла, и хотя воздух был сух, казалось, что вокруг туман. Дом напротив пропал, вместо него паслась на зелёной лужайке задумчивая корова.

В городе царил хаос. Автомобили и конные экипажи, бородатые крестьяне в лаптях и пионеры, деревянные лачуги и бетонные коробки высоток – всё смешалось на улицах. Периодически одни куски пейзажа исчезали и появлялись новые, на месте ровной дороги вырастали холмы, с разных сторон слышался то русский язык, а то и старославянский.

Здание университета, когда я приблизился к нему, выглядело гораздо моложе, чем несколькими днями ранее. Мои опасения подтвердились внутри: лаборатория и нескольких примыкающих помещений превратились в одну большую лекционную залу, в которой пожилой профессор в костюме старинного покроя вещал что-то собравшимся студентам. Темпоральной установки не было и в помине.

Покинув университет, я попытался позвонить Девятову, но не смог – не работали телефоны, – поэтому отправился к нему домой. Пока я шёл, смешение времён вокруг увеличивалось – теперь со всех сторон звучали слова и совсем незнакомого древнего языка.

На одной из улиц мне навстречу бросился мужик в звериной шкуре и с палкой в руке. Намерения его явно были не дружественные, и спасся я только благодаря удачно подвернувшемуся извозчику, умчавшему меня в неизвестном направлении.

Высадив меня, когда опасность миновала, извозчик потребовал плату. При виде современных денег он разозлился и попытался стегнуть меня хлыстом. Я увернулся, и он, матерно выругавшись, укатил.

Оглядевшись, я понял, что оказался неподалёку от собственного дома, однако теперь это был уже совсем другой район. Вместо большинства зданий возвышались незнакомые мне деревья с толстым стволом и раскидистой кроной, формой листьев напоминающие берёзы, а массивностью ствола – дубы. Мой дом заменил котлован, в котором неторопливые строители забивали сваи.

Энтропия продолжала увеличиваться в ускоряющемся темпе – над моей головой, пронзительно крича, пролетел археоптерикс...

А потом я исчез.

06.10.2008

Тени *миниатюры*

Старый дом

Стрелка часов с трудом прокладывает путь сквозь вязкое от воспоминаний время. Проходит час, и из-за дверки неспешно вылезает кукушка, зевая и потягиваясь, кукует раза три, чтобы просто обозначить своё присутствие, и скрывается вновь.

Массивные шкафы и буфет так давно стоят на одном месте, что их ножки приросли к доскам пола, и сдвинуть их уже вряд ли кому-то удастся.

Все звуки в этом старом доме ленивы, будь то скрип половицы или шум ночного дождя, стучащего по крыше. И даже шуршащая в подполе мышка никуда не торопится, вдумчиво уничтожая прошлогодние запасы.

Происхождение видов в электронную эпоху

Первоначально на них, маленьких и неприметных, не обратили внимания. К середине века они были уже повсюду. Никто не знал, как они это делают, но стоило только скользнуть по одному из них взглядом, и ваш разум оказывался под их полным контролем.

Лишь редкому счастливцу удавалось избежать подчинения. Фактически миром правили они.

И никто не знал, откуда они пошли. Но первым был он. Рассказ, который вы сейчас читаете.

Ночь

Ночь. Тёплый сумрак лениво переваливается через подоконник и затопляет комнату. Пушистым одеялом он обволакивает предметы, сглаживая острые углы.

Фонари за окном горят тусклым ровным светом, и свет этот, просачиваясь сквозь густую темноту, оставляет на полу и дальней стене бледный след, рисующий второе, вытянутое вдоль комнаты окно на линолеуме и обоях.

Полуночным тигром на мягких лапах крадёт в глубине коридора кошка.

Над спящим миром царит тишина, лишь изредка нарушаемая проносящейся по дороге машиной, стремительно и шумно разрезающей волны ночи.

Но, пролетев, машина исчезает во мраке, и воды смыкаются, плавным колытанием восстанавливая нарушенный покой. Капли времени продолжают падать, неслышно растворяясь в ночи...

Скорость

Шорох асфальта, гром мотора, ярость музыки. Колёса стремительно наматывают на себя полотно дороги. Сполохи света – разноцветные огни большого города – мелькают вокруг в необузданной шаманской пляске.

Мотор набирает обороты, стараясь поспеть за бешеным ритмом гитарного соло. Оно взвивается в крещендо и опадает, летит в неведомые дали, разрезая упругий воздух крыльями пентатоники. В погоне за гитарой нога сама нажимает на педаль газа, и скорость возрастает.

Под натиском скорости очертания домов по обеим сторонам дороги сливаются в единый массив, а свет фонарей превращается в бесконечную оранжево-белую ленту. Остаются позади светофоры, удивлённо взирающие красным оком в темноту, последние стражники безмолвных перекрёстков. Да и сам город вскоре исчезает в зеркале заднего вида. А скорость продолжает нарастать.

Ночь, схватившая в цепкие лапы дорогу, обволакивает её густой чёрно-синей пеленой, притупляет восприятие. Но гитарные риффы сменяют один другой, не давая ни секунды передышки. Автомобиль дрожит в погоне за ускользающим временем, и кажется, что колёса вот-вот оторвутся от земли.

Далеко впереди возникают две жёлтые точки – через несколько мгновений встречная машина с резким свистом проносится мимо, и вновь нет ничего впереди кроме тёмного горизонта.

Один такт, второй, третий, четвёртый... Визг тормозов, визг гитары, резкий поворот... и снова газ, снова скорость, снова неустойчивое соло...

Морозный день

День морозно блестел солнечными лучами, прорезающими чистый прозрачный воздух и отражающимися от оконных стёкол и от снега, расцветивая его белизну всеми цветами радуги. Небо, как это и положено в морозные дни, было свободно от облаков, и солнце издевательски дразнило мир своей яркой холодностью. Скованные морозом деревья утяжелёнными снегом ветками нависали над безлюдными тротуарами – люди предпочитали сидеть в тёплых квартирах, не показывая носа на улицу. Солнце медленным бегом по небосводу неспешно отмеряло тягучие минуты, пока, наконец, не свалилось за дом на противоположной стороне улицы, позволив ночи укутать город своим сумеречным покровом.

Вечное движение

Облака тяжело нависают над городом, предвещая снег. Пушистые медвежьи лапы облаков обнимают солнце, и закат расцветивает их оранжевым, красным и фиолетовым.

Грандиозное небо затапливает улицы холодной торжественностью, и даже равномерный шум машин становится тише, перемещаясь на самую границу восприятия, словно бы поглощённый закатом.

По улице текут потоки транспорта, ещё не схваченные морозом, стремясь успеть каждый к своей цели, пересекаясь, смыкаясь и расходясь, и дым из выхлопных труб клубится в холодном воздухе жалким подобием облаков в небе.

Так и нити судеб миллионов людей внутри на миг соприкасаются, чтобы тут же разойтись навсегда, на перекрёстках под равнодушным взглядом светофоров, на длинных улицах и в узких переулках.

Город. Закат. Конец ноября.

Лестница

Белые ступени, белые стены. Винтовая лестница тянется вверх. Я знаю, что я не один здесь, но изгибы так резки и так часты, что я не вижу тех, кто впереди или позади. Толстая каменная кладка поглощает звуки, и я ощущаю себя в белом вакууме.

Нельзя останавливаться – лишь движение напоминает о реальности, но ступени круты, и от долгого подъёма ломит ноги. От нескончаемых поворотов, всё в одну сторону, кружится голова, и взгляд не в силах отыскать точку опоры среди белого безумия.

Здесь нет секунд, есть только шаги, и время живо, пока они продолжают. Лестница тесна – её ширины едва хватает, чтобы прошли плечи, и кажется, что стены всё ближе и ближе, готовые схлопнуться. Усталость и страх замедляют шаги, но лестнице это и нужно – пространство сжимается и белизна высасывает кислород, и трудно дышать.

Чем выше, тем сложнее заставить себя идти дальше, и уже не верится, что где-то есть выход из каменного мешка.

Удав лестницы стягивает кольца, предвкушая очередную жертву.

Немое кино

Два.

По чёрной выжженной пустоши бредут двое, мужчина и женщина. Пыль покрыла одежду и впилалась в морщины на лице, а волосы пепельно-серы, хотя оба ещё молоды. Сквозь плотные тучи сочится тусклый свет, и путь кажется бесконечным.

Однообразие пейзажа растягивает часы. Призрачным маяком возникает на границе зренья ствол клёна, обгоревший снизу, но ещё живой. Октябрьский ветер оборвал всю листву, и она жёлтым ковром легла у подножия дерева. Однако вскоре этот островок цвета остаётся позади, и снова вокруг лишь чёрная монотонность.

На ночь двое прячутся от ветра и холода в канаве, бывшей некогда руслом ручья. Под старым плащом они видят сны о прежней жизни, зелёные леса и полноводные реки, и краски, море красок.

На следующий день они достигают города. Немногие уцелевшие жгут костры среди руин и недобрый оценивающим взглядом провожают путников. Те стараются не приближаться, они хотели бы покинуть город как можно скорее, но разрушенные дома – единственное место, где есть шанс найти хоть что-то съестное, и они вынуждены мириться с опасностью.

Когда город, наконец, остаётся позади, начинается дождь. Ледяные отравленные струи вмиг промачивают одежду, изгоняя остатки тепла. Однако дождь наполняет подставленные фляги, даруя странникам надежду.

Но надежда тщетна. Ночью над горизонтом поднимается красное зарево. Оно ширится и наплывает.

Три.

Колумб

Он проснулся за несколько сот лет до остального экипажа по сигналу от пристыковавшегося автоматического сверхсветового корабля. Недаром в его разработку он вложил всё состояние – теперь он точно будет первым человеком, достигшим звёзд, и никто ему не сможет помешать. Релятивистский корабль был лишь подстраховкой: привыкши всегда и во всём быть первым, он предусмотрел все варианты.

Ступив на поверхность планеты, он увидел точную копию своего земного дома. Навстречу вышел дворецкий: «Сэр, мы знали, что вы не захотите жить в лесу и решили сделать вам сюрприз». Первым был дворецкий...

2004—2023

Планета лесов и степей

Был уже поздний закат, когда Василий Степанов, поужинав, вышел из кафе. Заканчивался очередной день его пребывания на Форстеппе. Сорокалетний чиновник Налогового Управления Земли, он впервые покинул родную планету. Однако с первых же минут после приземления Василия не покидало ощущение, будто он никуда не улетал – настолько этот недавно колонизированный мир напоминал ему Землю.

Инспекционная проверка, с которой Василий прилетел на Форстеппу, отнимала у него много времени и сил, поэтому сейчас он решил дойти до гостиницы пешком, чтобы немного развеяться.

Медленно догорал закат. Последние лучи солнца оранжево-красными бликами застыли на стёклах домов. По улицам неспешно прогуливались прохожие, наслаждаясь тёплым вечером. В безветренном воздухе раздавались мелодичные звуки гитары. Гитарист со спутанными, давно не стриженными волосами, в поношенном кителе некогда синего цвета стоял на углу. Перед ним лежала шляпа, в которую прохожие иногда бросали мелочь.

Проходя мимо музыканта, Василий пробормотал себе под нос: «И здесь эти бездельники. Земли им мало».

Гитара издала резкий звук и затихла.

– Зря вы так.

Василий остановился и обернулся назад.

– Я говорю, зря вы так, – повторил гитарист. – Про бездельников и про Землю... Вот вы, наверно, недавно прилетели. А я видел эту планету, ещё не испорченную человеком, и многое могу рассказать. Хотя вряд ли вам будет интересна моя история...

Только сейчас Василий обратил внимание на взгляд незнакомца – пронзительный взгляд много испытывавшего человека. Извинившись за грубость, Василий попросил гитариста рассказать свою историю.

– Вы думаете, я всегда зарабатывал игрой на гитаре? Вы ошибаетесь. Когда-то я был пилотом, командиром космического корабля.

Вы, наверно, помните, какой поднялся шум, когда была обнаружена Форстеппа. Ещё бы – первая планета земного типа среди тысяч, непригодных для жизни. Все только и судачили о колонизации. Уже больше десяти лет прошло с той поры...

Двадцать три года мне тогда было, я совсем недавно закончил Высшее Космическое училище и успел совершить едва ли с десятков самостоятельных рейсов. Да и то были всего лишь грузовые перевозки в пределах Солнечной системы. Каково же было моё удивление, когда именно меня назначили командиром экспедиции на Форстеппу.

Я как сейчас помню тот день. У меня был двухнедельный отпуск после очередного рейса, и я сидел дома, отдыхая. И вдруг меня срочно вызывают в Генеральное управление Космических Полётов. Первая мысль была – я где-то ошибся во время последнего рейса, и буду за это отчитан. То, что вызов связан с Форстеппой, мне тогда и в голову не приходило.

Не буду утомлять вас описанием предполётной подготовки и самого перелёта – они прошли без неожиданностей. Через два с небольшим месяца после начала приготовлений наша экспедиция достигла Форстеппы.

Нам предстояло осуществить первичный сбор данных о планете для того, чтобы потом земные аналитики решили вопрос о её колонизации. Задание казалось достаточно простым, поэтому нам было дано две недели для его выполнения.

Помимо меня на борту было четыре человека: второй пилот Иван, Ганс, биолог из Германии, английский химик Дуглас, пожилой уже дядька, и наш физик Фёдор.

По данным американцев, открывших Форстеппу, планета была очень комфортной для людей. Как и на Земле, большую часть поверхности занимали океаны, климат же был более мягкий и ровный. Почти вся суша была покрыта степями, перемежавшимися лесами, и это странное чередование наблюдалось даже в высоких широтах. За это американцы и назвали планету Форстеппой¹.

Облетев вокруг планеты по высокой орбите и сделав несколько снимков поверхности, мы выбрали место для посадки.

Приземление прошло благополучно. Взяв пробы воздуха и убедившись, что он близок земному, мы вышли наружу. Оказалось, что при посадке корабль на полметра ушёл в рыхлую почву и немного накренился, так что перед полётом нам пришлось бы потрудиться. Впрочем, это обстоятельство не могло отвлечь нас от удивительных пейзажей, представших перед нами.

Вокруг, насколько хватало глаз, простиралась степь, и в этой степи, вы не поверите, гуляли волны! Именно волны, будто бы мы приземлились посреди океана! Они возникали на горизонте и стремительно накатывали, разбиваясь у кромки леса в полукилометре от входного люка. Нас эти волны пока обходили стороной, как течение огибает остров. Присмотревшись повнимательнее, мы заметили, что некоторые из них идут от леса, а не к нему.

Лес тоже был необычен. Он начинался внезапно, словно возносясь над ровной степью. Деревья с широкой, раскидистой кроной стояли плотной группой, переплетаясь ветвями. Было что-то жутковатое в этой безмолвной живой стене, трепетавшей тёмно-зелёными листьями на ветру.

Как замороженные смотрели мы на эту загадочную картину, не в силах оторвать взгляд. Стало смеркаться, вскоре и вовсе потемнело, и лишь тогда мы смогли скинуть с себя оцепенение и вернуться на корабль.

На следующий день мы приступили к исследованиям. Иностранцы отправились в лес – их он интересовал прежде всего. Фёдор укатил на вездеходе в степь и весь день гонялся за волнами, но так и не поймал ни одной. Мы же с Иваном принялись выравнивать корабль.

Тем, кто этим никогда не занимался, ни за что не понять, насколько трудно поставить эту консервную банку вертикально. Проваландавшись весь день, мы заканчивали работу уже при свете фонаря.

К тому времени Фёдор уже приехал из степи и разочарованно уплетал тушёнку, Ганса с Дугласом ещё не было. Они не вернулись ни через час, ни через два. На Форстеппе наступила уже глубокая ночь, и было ясно, что с ними что-то стряслось.

Тем не менее, мы не решились выехать на поиски до утра – нам попросту было страшно. Представьте себе: кромешная тьма – только тусклые звёзды мерцают в черноте небес, – тьма и проносящиеся мимо с сухим шелестом волны. Думаю, немного найдётся смельчаков, готовых покинуть корабль в такой ситуации. На Земле хотя бы Луна есть...

За всю ночь мы практически не сомкнули глаз. Как только рассвело, мы взяли винтовки, зарядили пулемёт вездехода, и отправились к лесу на поиски.

Объехав лес по периметру, мы обнаружили оборудование учёных, лежащее у подножия огромного дерева на самой границе со степью.

Соблюдая осторожность, мы слезли с вездехода и осмотрелись. Никаких следов учёных, оборудование выглядело неповреждённым. Складывалось такое впечатление, что учёные сами оставили его здесь.

Нервы у нас к тому времени были уже напряжены до предела. Накатывавшие волны с глухим шлепком разбивались о стволы деревьев, заставляя нас каждый раз вздрагивать.

Решив проникнуть в лес на вездеходе, мы направились к нему, как вдруг очередная встречная волна не пожелала изменить курс и поглотила Фёдора с Иваном!

¹ forest – лес, steppe – степь.

Я не помню, как добрался до вездехода, как доехал до корабля... Первое осмысленное воспоминание после того момента – я сижу на полу рубки и пытаюсь унять трясущиеся руки.

Следующие три месяца я провёл в каком-то полубредовом состоянии...

– Вы не улетели сразу? Но почему? – прервал рассказчика Василий.

– Я не был до конца уверен, что мои товарищи погибли. А для капитана бросить экипаж – это всё равно, что пустить себе пулю в лоб.

Итак, три месяца я просидел, не вылезая, внутри корабля, пока это вынужденное затворничество не было прервано возвращением Ганса. Его одежда была вся в пыли, но в остальном он не изменился, лишь глаза светились какой-то надеждой.

Сбиваясь и путая русские слова, он рассказал мне, что был поглощён волной и провёл эти три месяца внутри. По его словам, волна на самом деле – это аморфное существо, нечто вроде большой амёбы. Волны подчиняются деревьям, являясь в некотором роде сателлитами для связи между лесами.

Деревья, как вы, наверно, догадались, были настоящими хозяевами планеты. Каждый лес являлся носителем разума, части культуры Форстеппы.

Ганс говорил, что деревья одиноки, они жаждут контакта с другими разумами, с людьми. Посредством «амёб» деревья транслировали ему в мозг какие-то удивительные картины, которые Ганс пытался, но не мог передать словами.

Он рвался сам и звал меня к лесу, чтобы слиться с разумом планеты. В конце концов, мне пришлось запереть его в каюте, чтобы он чего-нибудь не натворил.

Я решил дождаться возвращения остальных, прежде чем лететь на Землю. Однако моим планам не суждено было сбыться – через неделю за нами прилетела спасательная экспедиция, которая насильно утащила нас домой.

А после этого началась жестокая колонизация планеты. Вместо того, чтобы попытаться изучить и понять цивилизацию Форстеппы, люди принялись методично истреблять её. Леса вырубались под корень, а «амёбы» расстреливались из автоматов. И всё это, чтобы создать вторую Землю!

Напрасно я ходил по инстанциям и угрожал, и требовал установления контакта с цивилизацией Форстеппы – её уничтожили. Лишь считанные десятки форстеппских деревьев остались в городах землян в качестве «достопримечательностей». По официальной же версии, планета изначально была необитаемой.

Мне же все мои попытки спасти Форстеппу аукнулись аннулированием личной карточки – теперь меня формально не существует, и мне остаётся зарабатывать на жизнь лишь так, – он провёл рукой по струнам. – А Ганс закончил свои дни в психушке...

* * *

– Что-то заболтался я тут с вами, – сказал музыкант и исчез в темноте улицы, прихватив с собой шляпу. Вслед за ним бодро протопали двое полицейских.

* * *

Василий медленно брёл через парк к гостинице, размышляя над только что услышанным. Раскидистая крона какого-то дерева, затесавшегося среди тополей, тянула ветви-руки в немом крике...

07.06.2007

Отражения

Рихард и Эльза не пришли к завтраку. Совместные трапезы стали традицией ещё во время полёта, и даже по прошествии полугода с момента основания поселения колонисты старались её соблюдать. Тем не менее, пропуск завтрака не был чем-то сверхъестественным, так что поначалу никто не встревожился. Однако пропавшие не появились и в биологической лаборатории, где работали, и бесполезными оказались попытки связаться с ними через персональные терминалы.

Трое колонистов отправились на поиски исчезнувших. Дом, в котором жили Рихард и Эльза, выглядел совершенно обычно: рабочий беспорядок на столах, недопитый стакан сока на кухне, пара невымытых тарелок в раковине – не хватало только жильцов. Лишь при тщательном осмотре в углу жилой комнаты удалось найти несколько пятен, похожих на засохшую кровь.

К полудню исчезновение поселенцев объяснилось самым прозаичным для этой планеты образом – в тени стены, ограничивающей поселение, обнаружилась небольшая стая сытых, мерно посапывающих хорьков, непонятно как оказавшихся внутри Периметра.

Планета Зелёная, на первый взгляд, представляла собой идеальное место для создания земной колонии. Состав атмосферы, климат и гравитация, близкие к земным, богатые минеральные ресурсы, обилие чистой воды – всё говорило за колонизацию.

Своё название планета получила из-за покрывавших большую часть всех трёх континентов лесов, густонаселенных разнообразными животными, каждое из которых, однако, было не больше кошки. Животные, внешне напоминавшие земных хорьков, но отличавшиеся более длинным хвостом и густой шерстью, являлись единственными серьёзными хищниками. Как оказалось, в этих-то хорьках и таилась основная опасность для колонии. Нападали хорьки только стаями и только на одинокую жертву, при этом они обладали чрезвычайным проворством, недоступным землянам. В первые дни несколько человек погибли от этих хищников, для которых даже скафандр не был достаточной преградой – острые зубы прогрызали его словно обычную ткань. Прожорливые звери съедали свою добычу подчистую, не оставляя даже костей, после чего спокойно отправлялись спать и переваривать пищу. Поскольку в местной фауне у них совершенно не было конкурентов, хорьки могли уснуть прямо на месте преступления. При этом поражала смыслённость хищников – тактику группового нападения они явно выработали при первой встрече с человеком, на остальную добычу они охотились всегда поодиночке.

Для защиты от хорьков колонистам пришлось построить Периметр. Стена уходила на два метра под землю и на три вверх, и по ней был пущен слабый ток. Выбираться за Периметр разрешалось только в вездеходе, покинуть который можно было только группами по три-четыре человека. Но, несмотря на это, планету признали подходящей для освоения, и, снабдив поселенцев всем необходимым для обустройства жизни внутри Периметра, корабль, привезший их сюда, отправился к следующим мирам.

Гибель двух колонистов внутри Периметра всполошила всех. Население колонии в полном составе бросилось на обследование стены, но изъянов в ней не нашлось. Единственным разумным объяснением было то, что хорьки каким-то образом попали в вездеход, который накануне выезжал за Периметр для сбора образцов местной флоры. Против такого объяснения выступал лишь Дед, наиболее опытный из колонистов, получивший своё прозвище из-за окладистой, чёрной с проседью бороды. Он упирал на то, что эта версия годится лишь для самоуспокоения, а настоящие причины произошедшего, скорее всего, кроются глубже.

В течение следующей недели колония потеряла ещё пятнадцать человек. Каждый раз всё происходило ночью, а события развивались по одному и тому же сценарию – гибло не меньше двух человек, живущих в одном доме либо в соседних домах, при этом среди погибших всякий раз оказывался хотя бы один человек, недавно покидавший Периметр.

В поселении воцарилась паника. Люди вздрагивали от любого резкого звука и с подозрением смотрели на окружающих. Вспомнили о предупреждении Деда, вспомнили, что Рихард был в составе экспедиции за растениями, вспомнили, что вернулся он из этой поездки непривычно немногословным. Те, кто за Периметр давно не выбирался, выискивали странности в поведении тех, кто там побывал, что приводило к стычкам, а порой и к потасовкам.

К счастью для поселенцев, вскоре на планете ожидалось прибытие корабля снабжения с Земли. Он должен был привезти оборудование, необходимое для дальнейших исследований, а также несколько земных животных для проверки их приспособляемости к местным условиям. Предполагалось, что развивающаяся колония сможет перейти на самообеспечение продуктами питания. Земные растения хорошо прижились на почве Зелёной, многие местные плоды оказались также пригодны к пище.

Однако теперь стало понятно, что до животноводства колония не дорастёт – экспедицию нужно срочно сворачивать. На спутник связи, обращающийся вокруг Зелёной, был отправлен сигнал бедствия – как только земной корабль перейдёт на досветовые скорости и окажется в зоне радиовидимости, этот сигнал будет транслирован ему.

Колония застыла в тревожном ожидании, считая дни до прибытия корабля. Все исследования были остановлены, выходы за Периметр запрещены. Памятуя о том, что хорьки нападают только будучи уверенными в своём превосходстве, поселенцы переоборудовали один из лабораторных корпусов в жилой и все перебрались в это убежище. Колонисты поочередно несли вахту, для каждого был составлен индивидуальный график сна и бодрствования, по сути, каждый следил за своей безопасностью и безопасностью нескольких своих товарищей.

Но никакие меры предосторожности не помогали – люди продолжали гибнуть от зубов хорьков, и прежде всего страдали вахтенные. Казалось, от нашествия хищников невозможно защититься.

Прибытие корабля ожидалось менее чем через сутки. К этому времени в живых осталось шестеро колонистов из ста. Все они собрались в одной комнате за круглым столом. Красные от недосыпа глаза, напряжённые лица. Время от времени двое человек вставали и выходили в коридор – проверить, надёжно ли заблокирована дверь в смежный коридор. Эта предосторожность диктовалась лишь страхом – вряд ли хорьки были способны открывать двери.

В один из таких моментов в коридор вышли Иван и Генри, а вернулись два Ивана, со злобным выражением лица наставившие друг на друга разрядники.

– Я наклонился проверить запор двери, и вдруг этот звук. Я обернулся и увидел его, – сказали они в унисон.

– Он врёт! – воскликнули они так же слаженно.

– Разрядники на стол! – спокойным голосом приказал Дед. Иваны синхронно подчинились. – Один из вас – хорёк, и сейчас мы выясним, кто именно.

– Как хорёк? – нервно воскликнул Джордж, отодвигаясь. Он сидел ближе всех к Иванам.

– Это моя гипотеза, – пояснил Дед. – Смотрите сами: погибло почти сто человек, но никто из них не успевал поднять тревогу, даже когда мы уже все находились в убежище и помощь была рядом. Как во всех случаях хорькам удавалось застать их врасплох? До сегодняшнего дня я не мог ответить на этот вопрос. Но теперь я понял – они просто были среди нас, маскируясь под нас.

– Но это невозможно.

– Невозможно, но это есть. Доказательство перед вами. Теперь нам надо определить, кто из них настоящий. Какие будут предложения?

– А какие могут быть предложения? Она жена, – Джордж махнул в сторону Анны, – вот она пусть и определяет.

– Но... – начала возражать Анна.

– Давай, задавай им вопросы, – настаивал Джордж. – Должно же быть что-то, что известно только тебе и им... ему.

– Спокойно, – остановил его Дед. – Где гарантия, что правильно ответит настоящий Иван? Как я понимаю, хорьки нам показывают то, что мы хотим увидеть. Или ожидаем увидеть. Если один ответил правильно, а другой нет, кто поручится, что верный ответ не есть отражение наших представлений о том, что должно быть верно?

– Есть только один достоверный способ проверить, кто настоящий, – сказал Михаил, до того в дискуссии не участвовавший. Он выхватил разрядник и хладнокровно выстрелил в правого Ивана. Тот распался на восемь хорьков, лихорадочно заметавшихся по комнате, спасаясь от преследовавших их людей. Через десять минут всё было кончено, а в комнате повис запах палёной шерсти.

– Как ты догадался, что я это я? – спросил Иван.

– Никак. Я просто целился в плечо – если бы я ошибся, тебя бы не убило, – ответил Михаил.

– Это в своём роде коллективное сознание, – в очередной раз объяснял Дед свою гипотезу. – Когда их собирается много, они становятся чем-то большим, чем просто хищниками. Они становятся нашими проекциями, нашими отражениями. Мы ожидаем увидеть Ивана, и мы его видим.

– Но мы же всё-таки хотели увидеть Ивана и Генри, а не Ивана и Ивана, – возразил Джордж.

– Возможно, их было слишком мало, чтобы поддерживать правильную иллюзию. Или слишком мало нас, и они не настроились. Может, им нужно много народу, чтобы настроиться на некие «средние» показатели.

– А может, они просто не успели меня сожрать, – добавил Иван.

– Может и так. Но когда нас было больше, ошибок хорьки не совершали.

– Они ошибались всё это время, – сказал Джордж. – Да, они съели многих из нас. Но и сами после этого погибали. Сколько хорьков в убежище? Ноль. А нас пятеро.

– А сколько их осталось на планете? – спросила Анна. – Наверняка миллионы. Мы завтра улетим, а они останутся. А через тысячу лет прилетит кто-то другой и точно так же будет вынужден уйти. Мне кажется, что планета защищается от нас, а хорьки – это что-то вроде лейкоцитов. Пусть сотни погибнут, но планета останется жить, недоступная заразе извне.

Никто не собирался спать в эту ночь, и спор о хорьках и их месте в экосистеме Зелёной продолжался до утра.

Наутро, покинув убежище, возле Периметра колонисты обнаружили долгожданный земной корабль. По-видимому, он приземлился ночью – в изолированном от внешнего мира помещении его посадка не была слышна.

Выйдя за границы Периметра, колонисты увидели странно мирную картинку: гостеприимно раскрытый шлюз корабля, возле которого паслась корова. Они вошли внутрь, шлюз закрылся. Корова довольно хрюкнула и распалась на два десятка хорьков.

Корабль приземлился на поляне возле Периметра. Обзорный экран позволял увидеть, что происходит за стеной. Несмотря на все панические радиogramмы, приходившие в последние дни, внутри всё было спокойно – обычные будни обычной колонии. Несколько колонистов занимались починкой водопровода, другие везли саженцы по направлению к делянке с земными растениями. Один из них остановился, чтобы почесать за ухом симпатичного, похожего на хорька зверька.

27.04—02.05.2017

Четыре

– Смотри-ка! – воскликнул Евгений, указывая на иллюминатор. – А я уж думал, что мы никого крупнее кузнечика здесь не встретим.

– Что там у тебя? – спросил Константин, подходя.

Снаружи сгущались лиловые сумерки и в поле начал скапливаться туман, однако силуэт существа, находившегося метрах в ста от корабля, был вполне отчётлив. Многоногое, похожее на гигантскую гусеницу, оно неторопливо удалялось. И странно: хотя существо старательно перебирало всеми ногами, казалось, что оно не идёт и не ползёт, а подобно туману стелется по-над травую.

На следующее утро, как только космонавты покинули посадочный модуль, гусеница появилась вновь. Двигалась она всё так же неспешно, словно давая получше рассмотреть себя. Всё тело и три десятка лап двухметрового существа покрывала густая, но короткая коричневая шерсть, тускло отблескивающая на солнце. Поравнявшись с людьми, гусеница повернула к ним голову, где обнаружилось лицо, отдалённо напоминающее человеческое.

– Привет, – сказала она по-русски и продолжила путь.

Придя в себя спустя несколько минут, космонавты бросились вслед за гусеницей, но за это время она успела уже добраться до близлежащего леса и каким-то непостижимым образом там спрятаться – отыскать загадочного инопланетянина в тот день так и не удалось.

Шли дни, а гусеница всё не показывалась. От усиливающихся сомнений в собственном здравомыслии космонавтов спасала только работа, благо экспедиция предполагала большой объём исследований.

Наконец, инопланетянин объявился – Константин случайно столкнулся с ним, собирая в лесу образцы местной флоры. Увидев человека, гусеница флегматично поздоровалась. На сей раз Константин не растерялся и последовал за ней, задавая на ходу вопросы.

– Кто ты?

– Я это я, – ответила гусеница. – Я тот, кто приходит, когда хочет, и тот, кто уходит.

– Почему ты от нас прячешься? Ты боишься?

– Я не прячусь, как не прячешься ты. Сейчас наши «когда» пересеклись, и мы встретились. А теперь, извини, мне пора. Ступай своим путём, и мы ещё увидимся.

Константин остановился.

– Откуда ты знаешь русский? – крикнул он вслед гусенице.

– Ты сам меня научил, – инопланетянин скрылся за кустами.

Говорящая гусеница не обманула – отныне исследователи часто встречали её то в лесу, то в поле возле посадочного модуля, но всякий раз встречи были мимолётны. Шуршание за спиной, две-три реплики от вечно движущегося инопланетянина – и вот он уже уползает, прося не следовать за ним. Не зная или не желая раскрывать своего имени, он просил называть себя Гостем, на вопросы отвечал всегда уклончиво, хотя на контакт шёл охотно.

– Почему ты никогда не останавливаешься? – поинтересовался как-то Константин.

– В таком случае ты меня не увидишь, – туманно отвечал Гость.

Где он живёт, чем питается, как так получилось, что он в сотни, если не в тысячи раз крупнее любого другого животного на планете – выяснить не удалось. А расспросы о его народе и вовсе ставили инопланетянина в тупик.

– Народ, соплеменники... – задумался он. – Я есть народ, народ есть я.

Мировосприятие Гостя не допускало множественного числа. Евгения и Константина он считал двумя ипостасями одного существа, некоего панземлянина, который распространялся по Вселенной, оставаясь единым целым. И поверить в обратное он не мог. В его представлении Константин был вопрошающей частью, а Евгений – отвечающей. Поэтому вопросы Евгения Гость игнорировал, зато сам пытался за время коротких встреч узнать как можно больше. Его мало волновала история или политика, но вот зачем человечество строит дома или добывает металлы, зачем оно отправляется в космос – всё это особенно интересовало инопланетянина.

Недели сменяли друг друга, и вскоре ожидалось прибытие базового корабля и окончание экспедиции, но люди и инопланетная гусеница так и не стали понимать друг друга лучше.

За несколько дней до отлёта Константин встретил Гостя, находясь в паре сотен километров от корабля. Задумавшись о чём-то, инопланетянин с запозданием отреагировал на приветствие. Достигнув человека, он, не останавливая хода, приподнял переднюю часть туловища и выпростал в направлении Константина конечность, отдалённо напоминающую руку. Выглядело это так, будто он развернул рулон плотной бумаги – похоже, в руке не было костей. В «ладони» обнаружился прибор явно земного изготовления.

– Спасибо, – сказал Гость, отдав устройство землянину. – Теперь мы можем разговаривать.

Прибор оказался электронным самоучителем земных языков для негуманоидных рас. Хотя такие самоучители входили в обязательное снаряжение всех экспедиций к новым мирам, никому до сих пор не пришлось ими воспользоваться – разработчики не учли, что надо ещё умудриться объяснить негуманоиду, что это и как им пользоваться. Поэтому среди космонавтов бесполезное устройство воспринималось исключительно как повод для шуток.

Вернувшись на корабль, озадаченный Константин показал прибор Евгению.

– Знаешь, а ведь это я дал ему самоучитель. Час назад.

– Час назад Гость вернул его мне!

– Значит, он может находиться в двух местах одновременно. Либо же мы оба сошли с ума, и гусеницы ползают у нас в голове...

– Зачем ему прибор? Он же и без него неплохо болтает.

– Он сам попросил, причём на редкость чётко сформулировал, что он хочет.

– Но хоть как-то он это объяснил?

– Сам знаешь, как он относится к моим вопросам. Сказал лишь: «Самоучитель мне нужен вчера». И мирно уполз прочь.

В последующие дни земляне так и не добились от Гостя, как он оказался сразу в двух местах. «Я тот, кто приходит, когда хочет, и тот, кто уходит», – отделялся он своей дежурной максимой. Они преследовали инопланетянина, когда тот просил его оставить, но он просто полз и полз, не меняя скорости и не реагируя на оклики.

Настал последний день экспедиции. Перед самым отлётом Гость появился возле корабля.

– Вы навсегда останетесь со мной, – сказал он на прощанье.

– Не думал, что гусеница может быть сентиментальной, – произнёс Константин, когда корабль покинул атмосферу планеты. – Или это он нам угрожал?

– Да нет, здесь другое... – ответил Евгений. – Он действительно считает, что мы остались. И в его мире это так.

– О чём ты?

– Смотри, – Евгений вывел на экран карту планеты. – В последнее время мы много наблюдали за Гостем, подолгу шли за ним. Я нанёс траектории его движения на карту, и это навело меня на определённые мысли.

- Не вижу системы. Дуги как дуги.
- В том-то и дело, что не просто дуги. Посуди сам: для него нет ни вчера, ни сегодня, есть только всегда, он передвигается только по дугам и появляется одновременно в разных местах...
- Хочешь сказать, Гость четырёхмерен?
- Именно. Более того, я предполагаю, что он живёт на поверхности четырёхмерной сферы. В каждый момент времени её проекция пересекается с поверхностью планеты, естественно, по эллипсу. И в каждой точке эллипса может появиться Гость, вернее, его трёхмерная проекция.
- Так вот почему он всё время полз – остановившись, он покинет настоящее.
- Конечно. Радиус – константа.
- Погоди. Но ведь планета движется по орбите. За месяцы, что мы там провели, она должна была выйти из сферы Гостя, разве нет?
- Возможно, центр сферы перемещается вместе с планетой, либо же она и вовсе гелиоцентрическая. Пока не знаю.
- Что ж, значит, нам будет, чем заняться на пути домой.

08—09.07.2018

В клетке

Гудок.

Пауза.

Снова гудок.

Я открыл глаза. В темноте комнаты растворялись очертания предметов. Пять утра.

Очередной гудок пронзил сознание. И кому я понадобился в такую рань? «Всё! Меня нет, я сплю», – решил я и закрыл глаза. Гудки продолжались.

Пролежав так минуты две, я не выдержал и сжал челюсти, надавливая на искусственный зуб, в который был вмонтирован телефон. Тут же в сознание ворвался раздражённый голос шефа:

– Белов! Почему опять виз-сеть не работает? Через полчаса чтоб был на рабочем месте, иначе можешь считать себя уволенным!

Не желая слышать никаких возражений, шеф отключился.

С трудом заставив себя встать, я медленно побрёл в ванную в тягостном предвкушении очередного муторного дня.

Две недели катастрофического недосыпания сказывались – то, что смотрело на меня из зеркала над умывальником, лишь отдалённо напоминало человеческое лицо. И всё из-за этой чёртовой виз-сети. Зачем только она понадобилась нашей фирме?

Умывание холодной водой не прогнало сонливость, а лицо, к тому же, приобрело какое-то жалкое выражение. Пришлось создавать иллюзию бодрости с помощью голограммы.

Дешёвой голокамере требовалось около десяти минут для работы над моей внешностью, но пользовался этой возможностью я не часто, и обычно мог позволить себе подождать. Разглядывая царапину на мониторе голокамеры, я мечтал, как бы было хорошо хотя бы на пару дней избавиться от звонков в пять утра, от офиса с его вечными проблемами и вообще от техники.

Если в двадцатом веке прогресс носил преимущественно технический характер, то в двадцать первом столетии он всё больше проникал в сферу биологии. Первым шагом стал искусственный зуб-телефон, появившийся в начале века. На этом развитие технологии не остановилось, и впоследствии появился целый ряд вживляемых в организм устройств. Всякие экзотические приборы вроде инфракрасного третьего глаза вымирали так же быстро, как и рождались, некоторые более осмысленные устройства прижились и вошли в жизнь (и организм) многих людей.

Так что в наши дни каждый может изменять себя, как он только захочет, были бы деньги. Не скажу, что я любитель подобных преобразований, но многие находят в них какое-то удовольствие. Правда, зачастую это выглядит смешно. Вот наш шеф, например. Не знаю, что он там себе имплантировал, но на вид он – двухметровый атлет с рекламного плаката, хотя самому ему уже лет семьдесят, и реальный рост – метр с кепкой. То ли он считает, что такая внешность помогает ему при общении с клиентами, то ли он таким образом даёт выход своим комплексам... Впрочем, это его личное дело.

Я же привык использовать минимум технических примочек к своему организму – только те, которые необходимы для нормальной жизни в современном обществе и, к тому же, предписаны законом. Волновой модулятор, зуб-телефон и идентификационный чип в правой руке – вот и всё, что мне нужно. Модулятор у меня простенький – он был вживлён в мозг, когда мне было пять лет, и служит лишь для поддержания лицевой голограммы в течение дня и для транслирования информации из телефона непосредственно в сознание.

Голокамера издала резкий звук, и на мониторе появилось сообщение: «Создание голограммы завершено успешно». Я выключил питание и подошёл к зеркалу.

Подглазины исчезли, и бледность стала не такой явной. Обычные черты обычного лица двадцатипятилетнего жителя большого города. В общем, в таком виде можно спокойно идти на работу.

В свой отдел я пришёл только около шести. Шеф к тому времени дошёл до той стадии бешенства, когда волны гнева уже практически ощущаются кожей. До моего появления он в ярости мерил шагами комнату, не находя выхода своей злобе. Увидев меня, он тотчас подошёл, если не сказать подбежал, и сразу же вылил на меня поток упрёков, отчаянно жестикулируя.

Из его слов я понял, что не проходили какие-то транзакции, которые должны были завершиться ещё ночью. И виновником этого вопиющего безобразия назначили, конечно же, меня. Речь шла о сделках на крупные суммы, и фирме грозила потеря ценного клиента. В общем, на этот случай шеф уже придумал мне штук пять страшных кар.

Словоизлияния шефа заняли минут пятнадцать столь драгоценного для него времени. Наконец, его запал иссяк, и я смог пройти в техническую комнату.

В технической комнате находился центр управления виз-сетью.

Визуальная сеть, или виз-сеть представляла собой альтернативу обычной компьютерной сети. В виз-сети было удобней работать, функциональных же отличий не было, либо их очень хорошо спрятали. Да и соединялись её узлы обычными кабелями.

Работа в виз-сети осуществлялась с помощью специального шлема, подключаемого к системному блоку – узлу сети. После надевания на голову шлем связывался с волновым модулятором оператора, создавая оптические и тактильные иллюзии.

Перед оператором появлялось изображение сети в виде попарно соединённых линиями узлов. Если это было ему позволено, то, дотрагиваясь до узла, пользователь входил внутрь него и мог использовать его функции. Все необходимые данные вводились с обычной клавиатуры.

Не знаю, зачем нашей фирме, занимающейся оптовыми поставками за рубеж всего, что только можно, вдруг срочно понадобилась виз-сеть. Технология была совсем новой и не до конца отлаженной, в чём я уже имел возможность многократно убедиться.

Виз-сеть просто не поддавалась нормальной настройке! Следование инструкциям разработчиков приводило к тому, что любой пользователь имел доступ к любому узлу сети. Это приводило к постоянным сбоям, и в рабочем состоянии система находилась не более полудня после наладки.

В этот раз повторилась уже привычная ситуация: надев шлем, я увидел, что больше половины узлов светятся красным, провозглашая свою неработоспособность. Наверняка опять какой-нибудь складской умник из ночной смены решил поэкспериментировать с сетью.

В общем, фронт работы был налицо, и мне ничего не оставалось, кроме как приступить к ней.

Настройка виз-сети отняла достаточно много времени. Я бы мог управиться и быстрее, но с девяти часов на меня обрушился шквал звонков от пришедших на работу людей. Некоторые были недовольны, кричали и требовали поторопиться, другие же, наоборот, весёлыми голосами («Так можно сегодня не работать?») интересовались, как у меня идут дела.

Когда я наконец закончил, время обеда уже прошло. Позавтракать я не успел, и голод жгутом скручивал пустой желудок.

Я пришёл в столовую в третьем часу, и там уже почти никого не было. В приоткрытое окно задувал свежий зимний ветер, остужая и разгоняя душный воздух помещения. Залетающие на хвосте ветра снежинки садились на стоявший у окна стол, превращаясь в маленькие капли, тускло поблёскивающие в искусственном свете.

Столовую обволакивала сонная атмосфера: неторопливо ели немногочисленные посетители, медленно передвигались раздатчицы у стойки, зевала, не прикрывая рта, толстая кассирша.

Взяв себе какой-то остывшей еды, я, стоя с подносом в руках, обвёл взглядом помещение в поисках знакомых. За одним из столов у стены я увидел Вику из соседнего отдела и подсел к ней. Она была невысокого роста и миловидной внешности, с тёмными, длинными, слегка волнистыми волосами медного оттенка и с ясными глазами, смотрящими внимательно и дружелюбно. Мы немного поговорили о том, о сём, и, пользуясь моментом, я пригласил её вечером поужинать в одно неплохое кафе. Она, улыбнувшись, согласилась, и мы до вечера расстались, вернувшись каждый в свой отдел.

В отделе царил всегдашняя суета – все куда-то бегали, с кем-то разговаривали, что-то выясняли, стараясь нагнать время, упущенное из-за проблем с виз-сетью. Мне же, наоборот, было совершенно нечем заняться, и я, найдя самый незаметный, на мой взгляд, угол между шкафом и окном, клевал носом, периодически задрёмывая.

Ближе к вечеру в наш отдел вновь наведлся шеф. На этот раз он выглядел куда более весёлым, нежели утром, и даже улыбался. Поговорив что-то для виду, он отпустил весь отдел раньше времени домой – не иначе тот клиент, которого он так боялся потерять, простил шефа.

На улице начинало темнеть и заметно потеплело. С неба падали крупные мягкие хлопья снега, настилая пушистый ковёр, который не успевали счищать автоматические уборщики. Снег надевал белые шапки на яркие вывески увеселительных заведений и более строгие – фирм и госучреждений. На улице было мало прохожих – час пик пока не наступил, и люди ещё трудились в муравейниках своих организаций.

Когда я пришёл домой, до встречи с Викой оставалось два часа, и я решил немного вздремнуть, чтобы прояснилась голова, гудевшая после рабочего дня. Чтобы не проспать, я завёл будильник в телефоне.

Разбудил меня, однако, очередной звонок шефа. Его весёлое настроение уже успело куда-то улетучиться. Говорил он спокойно и беззлобно, но этот его тон меня особенно настораживал.

– Олег, – начал он, – у нас опять проблемы с сетью. Второй раз за день, между прочим.

– Опять? Но когда я уходил, всё было нормально...

– А сейчас нет. Начались проблемы на каком-то узле в бухгалтерии, они там что-то попытались сами исправить. В общем, теперь ничего не работает. Так что ты сходи, посмотри, разберись.

– Да я и так с пяти часов на ногах. Неужели нельзя до завтра подождать?

– Нельзя.

– Но не могу же я работать двадцать четыре часа в сутки, в конце-то концов! И вообще, у меня свидание.

– Да начхать мне на твои свидания! – внезапно заорал шеф. Я так и представил, как побавровело его лицо. – У меня тоже своих дел по горло, а тут ещё с вами, недоумками, возиться! Уговаривать. Чтоб к десяти часам всё сделал, иначе выгоню к чёртовой матери! Да ещё в личную карту такую характеристику впишу, что тебя даже в магазин продавцом не возьмут.

С этими словами шеф отключился. Неуравновешенный он всё-таки тип. И лезть не в своё дело любит – половина отделов, наш в том числе, под его прямым руководством находится. Эта боязнь шефа поручить часть работы кому-нибудь другому напоминала паранойю, и удивительно, как под таким чутким руководством вся фирма ещё не развалилась.

Тем не менее, надо было возвращаться на работу. Как бы ни хотелось обратного, но обстоятельства оказывались сильнее. Автоматизация ряда производств выгнала на улицы толпы людей. Многих сразу засосала в свои недра бурно развивающаяся сфера услуг. Те, кто поспособней, получили образование и тоже нашли себе нишу, так что повальной безработицы не случилось. Однако найти теперь приличное место практически невозможно, поэтому мне бы не хотелось исполнения угроз шефа.

Перед тем, как уйти, я позвонил Вике:

– Вика, привет, это Олег.

– Привет. Что-то?..

– Слушай... Извини меня, мы не сможем сегодня встретиться... Шеф взбеленился совершенно... Орёт, грозит с потрохами меня съесть, если сейчас же не приду.

– Хорошо. Я понимаю.

– Ты только не сердись...

– Я не сержусь.

С какой-то тяжестью на душе направился я на работу. На работу, которая, будучи интересной, уже успела, тем не менее, опостылеть. Изматывающий график с постоянной беготнёй и срочностью, с пятиминутной готовностью двадцать четыре часа в сутки, семь дней в неделю, припадки гнева идиота-шефа – всё это хотелось скомкать и выбросить, как ненужную бумажку, бумажку весом в полтонны...

Типизированный, конторско-офисный мир... он не терпит инакомыслия, не терпит свободы. Однотонно-монотонная череда коридоров, ряды однотипных офисов – они нивелируют понятие личности. Личность не нужна в их мире. Да и зачем вообще нужен человек в этом мире? Быть винтиком и смазкой в чудо-машине, спицей в колесе прогресса. Сверять время по часам каждые десять минут в предвкушении передышки и страхе не успеть, не сделать вовремя, выбиться из расписания, нарушить утверждённый график. Жить для общества, чтобы изредка получать от него подачки. Служить прогрессу, чтобы рабски самозабвенно радоваться его красивым подаркам-безделушкам, вроде различных имплантатов и волновых модуляторов последних моделей, завёрнутых в блестящие обёртки из глянца.

Не таким видели прогресс в девятнадцатом, двадцатом и даже в начале двадцать первого века. С каждым годом человек всё больше становится машиной, и даже не машиной, а её крошечной частью, всё большим винтиком. И всё больше замыкается в клетке противоречий, запутывается в многоцветьи проводов, не в силах вырваться из замкнутого круга.

* * *

Следующий день прошёл неожиданно спокойно, без суеты. Казалось, что у каждого человека в фирме внезапно закончилась работа – все занимались преимущественно своими делами. Время еле волочило ноги, и в отделе воцарилась скука. Люди, поддавшись этой расслабляющей обстановке, непрестанно зевали и, чтобы не заснуть, вступали в длинные бессодержательные разговоры друг с другом.

Наконец рабочий день кончился, и все дружно ринулись к выходу. Идя по коридору, я встретил Вику. Хотя она и говорила, что всё нормально, было заметно, что она обижена вчерашним. Несмотря на то, что она пыталась это всячески скрыть, в её взгляде проскальзывало недовольство, и фразы получались порою резковатыми.

К концу разговора она, однако, немного оттаяла, и согласилась в выходные съездить за город покататься на лыжах. Я клятвенно заверил её, что на этот раз никуда не пропаду.

* * *

Настала суббота. Наконец-то мне удалось выспаться, так что голограмма сегодня была явно не нужна. Умывшись и позавтракав, я позвонил Вике и сообщил, что выхожу (мы жили на противоположных концах города, поэтому договорились встретиться прямо на лыжной базе).

День выдался солнечным и тёплым – градусов пять мороза. Возле лыжной базы лежали сугробы, и их ослепительная белизна резала глаз. Белоснежную чистоту поля несколько оттенял сосновый бор, начинавшийся в ста метрах за зданием. От базы были проложены несколько лыжных трасс, и по ним уже катились немногочисленные лыжники.

Весь вид этой залитой солнечным светом зимней природы заряжал оптимизмом и наполнял душу необъяснимой радостью.

Любуясь картиной, я неторопливо подошёл к базе – приземистому одноэтажному бревенчатому зданию, в котором, помимо самой базы, располагалась также и небольшая закусочная.

Не успел я войти внутрь, как раздался звонок телефона. Думая, что это Вика, я ответил, но, услышав голос шефа, сразу отключился. Телефон тут же зазвонил вновь.

Не обращая на него внимания, я вошёл в закусочную. Взяв с одного из столиков коробочку с зубной нитью, я сунул её в карман и подошёл к стойке. Спросив у стоящего за ней человека, где туалет, я направился туда. Телефон продолжал трезвонить.

Звонки не прекратились и в туалете. Приходя через волновой модулятор непосредственно в сознание, они вызвали раздражение большее, нежели сотня назойливых комаров.

Я достал из кармана зубную нить. Отмотав от неё кусок сантиметров сорок, я привязал один конец к искусственному зубу, другой – к металлическому крану умывальника, для чего пришлось над ним наклониться.

Глубоко вдохнув, я дёрнул первый раз. Челюсть пронзила резкая боль.